

Мы — атеисты. Мы за силу разума, против мистики и мракобесия.

Л. ТЕПЛОВ

ВСЕВЫШНИЙ — I

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РАССКАЗ

М

ир сверху как яма, края которой тонут в синей полумгле, прикрытой плоскими облаками. Слева — скучнейшую гладь океана, отливающую холодным серебром, бороздят ко-

раблики, которые тянут за собой роскошные хвосты вспененной воды. Справа — располосованный на квадраты муравейник, куда втиснуты блюдца площадей, кудрявая щетина парков и блестящая змейка реки, перехваченная мостами. Внизу — светло-желтая лента пляжа, уставленная в ряд спичечными коробками отелей. Из дымки над горизонтом неожиданно четко поднимаются сверкающие горные цепи.

Нечто, не имеющее облика и названия, опускается над городом. Трекучей стрекозой сквозь это нечто пролетает вертолет кинохроники. Нечто несет людям горькие, сбивчивые слова. Отчаяние сменяется в них надеждой, а проклятия — смутной верой в счастье, в солнце, встающее из-за гор.

Развязные парни, увешанные камерами, лампами и магнитофонами, толкуются в тесной кабине вертолета. Крах панамериканской компании, гибель «Титаника», сараевское покушение и проигрыш «Квинты» в футбольном матче на первенство мира, случись они сегодня, не займут в газетах больше десяти строк: первые полосы отведены тому, что скажет голос с неба.

Ждут и внизу. Улицы и площади залиты темной толпой, пестрой от развернутых газет. Нестройный колокольный звон несется над городом. «Первый раз со времен Моисея! Видение кардинала Спиллейна! В воскресенье утром бог обратится к людям», — орут плакаты со стен, газетные заголовки, лысые проповедники на папертях и небритые личности в толпе, юркие, как голодные крысы. А толпа велика и молчалива, крики гаснут в ней, как в вате.

Напряженно улыбаются мальчишки в синих, строченных белыми нитками штанах — стоять неловко, уйти тоже неловко. Бледное, застыло лицо женщины, судорожно обнимающей испуганную дочь; крики кто-нибудь рядом — и она страшно закричит. Крестьяне старухи. Служащие в котелках, с достоинством выпрямившись, ждут, краем глаза следя за шефом. Вытирает губы салфеткой, на балкон вышел розовый мэр; в ближайших рядах прошел шепот — и утонул в толпе.

Пока не прозвучал голос с неба, только один человек в мире знает, что произойдет. Но его нет в толпе. Он стоит сейчас у борта океанского лайнера, солидно выбирающегося из порта. Его звали здесь Кси, а настоящее имя его — Александр Волошин.

Саша Волошин родился в Харбине, учился в Калифорнийском институте у нобелевского лауреата Гленнера и уехал в Южную Америку по приглашению известной физической лаборатории. Родители его были русские, но он уже плохо понимал их язык, хотя свободно владел английским, французским и испанским. Город его детства чаще всего вспоминался позывными местной радиостанции, после которых певучий голос говорил по-китайски: «Харби-ин, Харби-ин!» — по-русски это звучало сожалением. Между пе-

стрыми улочками китайского Фудадяна и серо-синими приземистыми кварталами японского городка была зажата чистенькая, провинциальная русская часть города — вокзал, собор, рынок, кладбище. Свое кладбище жители, кажется, не любили: в конце концов сколько ни живешь на чужбине, всегда можно считать, что временно, а если умираешь там — это уже навсегда.

Первый раз он был по-настоящему счастлив, когда ему подарили золотую рыбку с радужным хвостом-вуалью. Семья выезжала в Корею, чтобы провести там лето. Ехали всю ночь, а утром автобус остановился, и отец сказал Саше, что вон за той сопкой — Россия. Они полезли по склону. Мальчику было очень неудобно лезть, потому что он боялся оставить в машине банку с золотой рыбкой и взял ее с собой. Наверху папа и мама долго гляделись в ряды лесистых сопек за невидимой чертой границы. А Саша все глядел на рыбку — и не увидел земли своих дедов. В Корею рыбку отняли мальчишки.

Теперь он любил светлые костюмы и загар, жил в пансионе, который содержал бывший русский князь, а ныне безнадежный морфинист. Встречался с девушкой Минной, она имела огромные зеленые глаза, приятный голосок и два чешуйчато-черных платья. Это позволяло ей петь в ночном клубе. Белоzubый, высокого роста, Александр выгладил, как голливудский герой. Но где-то в глубине его души всегда таился тяжелый страх, что у него опять отнимут золотую рыбку, как он называл про себя счастье, эти чужие, с безукоризненным произношением и кучей влиятельных родственников неподалеку.

В лаборатории высоких напряжений Волошин занимался измерительными приборами, особенно электронно-оптическими преобразователями радиации в видимый свет.

Он сам сделал очень чувствительный преобразователь и однажды, отлаживая его в лаборатории, обратил внимание на непонятное явление, видимое только ему одному на экране прибора.

Посредине лаборатории стоял электростатический генератор Ван-Граафа, нехитрая машина с шаром наверху, накапливающим заряды. На экране он изображался чем-то вроде черного тотемного столба из фильма об индейцах. И странно: от головы-разрядника тянулась вниз голубая тонкая змейка, похожая на мгновенный снимок молнии. Малейший поворот вольера — и она таяла.

«Что же это такое? — размышлял Александр. — По-видимому, произошел разряд на землю. Но почему ионизация не исчезла? Теперь воздух стал проводником электричества. Надолго ли?»

— Кси, иди сюда! Третий день мы почему-то теряем заряд, — закричали ему.

Рис. Ю. СЛУЧЕВСКОГО

Волошин сбил верньер, выключил локатор, выбрал подходящую улыбку и пошел к генератору.

— Наверно, пробило изоляторы.

— Мы меняли их по три раза.

— Бывает... А что, если сдвинуть генератор в этот угол?

— Зачем?

— Мало ли что: влажность, подпочвенные воды... Ну-ка, взялись!

Через минуту одобрительное ворчание из угла показало, что неприятность исчезла. Но Александр не обернулся. Опустив голову, он пересчитывал плитки пола от одной, случайно разбитой, стараясь запомнить прежнее положение генератора.

Шеф разрешил ему остаться на ночь, кончить отладку, предупредив, что сверхурочные оплачены не будут. Едва последний мотор автомобиля, взыв, затих за окном, он перетащил генератор на прежнее место. Полтора часа он двигал тяжелый столб — чуть вправо, чуть-чуть влево... Вот стрелка гальванометра упала к нулю — и так же, замерев на миг, упало сердце. Шар разрядника словно коснулся невидимого провода, стал терять заряд.

До утра Александр измерял и записывал. Светящаяся змейка стояла на экране, раскатыя шло в руки, золотая рыбка открытия барахталась в сетях формул, натянутых на частоток интегралов.

Это было удивительнейшее явление, которое Александр назвал панцирной ионизацией, а про себя — эффектом Волошина. После того как искра определенной величины пробивала в воздухе себе дорогу, ионизированные частицы воздуха не рассыпались, и проводящий канал оставался висеть невидимой проволокой. Одни частицы воздуха уходили, но другие занимали их место и становились ионами. Теория этого явления была изящным следствием одной полузабытой формулы Гленнера, и Александр раскусил это на пятый день. Еще сутки потребовались ему, чтобы рассчитать и построить разрядник, который мог давать точно дозированную искру и прокладывать в воздухе панцирные цепи — то отличные проводники тока, то полупроводники. Когда есть формула — это уже нетрудно. Он не ходил в лабораторию неделю, и наутро князь-хозяин дрожащей рукой вручил ему почтовый конверт с чеком и вежливым уведомлением об увольнении. Чек он разменял в банке и купил радиодеталей, чтобы построить радар и генератор; на обороте увольнения написал записку Минне.

В задней комнатке ночного клуба вяло переругивались девушки из кордебалета. Они раздобыли Александру толстую сигарету с золотым обрезом, и Кси решил выкурить ее сразу, а не делить на две части. Минна была в зале, с гостями.

«Можно ли считать человека дураком, когда он не отличает катод от анода? — размышлял Александр. — А если он астроном или археолог? К чему я это?.. Ах да!.. Минна. Она в совершенстве знает то, чем интересуется: новые прически, джазовые певцы, моды... Это ведь тоже очень много всяких тонких подробностей, а я, например, их не знаю. Глупа ли она? Почему она не идет за меня за-

муж? Говорит: зачем? А я не могу иначе: страшно ее потерять...»

— Дай покурить, Кси! — К нему подседа девчонка, жадно затянулась, оставив на обрезе сигареты след губной помады. — Ждешь Минну? Не думай о ней плохо, она строгая, ты у нее один, слышишь? Работы нет?

— Нет.

— Почему?

— Русский.

— А что ты умеешь делать?

— Все. Но больше всего я люблю математические машины, кибернетику. Слышала? Я могу сделать машину, с которой можно разговаривать. Электронный мозг.

— Зачем? Твой мозг никому не нужен, а разве он хуже электронного?

— Нет, наверное. Еще я люблю делать электронных зверей. Они честные, им можно верить. С ними можно жить.

Девчонка исподлобья поглядела на него.

— Да, плохи твои дела, если так... Сегодня будешь показывать зверей?

— Нет. Я хочу показать невидимые машины.

— Глупо. Невидимые — кто же будет смотреть?

Он не ответил. Позвали на эстраду.

И когда Минна кончила свою детскую песенку о Мэри и ягненке — в сочетании с зачесанными на лоб волосами и синими обводами вокруг глаз это производило в клубе щекочущее впечатление, — она представила следующую номер:

— Сейчас великий изобретатель Кси Волошин, ученик знаменитого Гленнера, мой друг, покажет вам свои сногшибательные открытия. Только у нас! Впервые в мире!

Сделав улыбку, Кси вышел на площадочку, прикидывая на глаз, где именно из пола торчат до высоты груди два невидимых провода. Он поклонился, достал из кармана обыкновенную электрическую лампочку и, взяв ее за баллон, выставил перед собой. Лампочка вспыхнула, на мгновение ослепив его.

В темной дыре зала вяло похлопали. Личности, которые пили и ели там, никогда в жизни не интересовались, почему горит лампочка. Второй свой трюк — невидимый радиоприемник, на который он убил неделю и остаток средств, — он решил не демонстрировать: кто поверит, что это не магнитофон за сукнами?

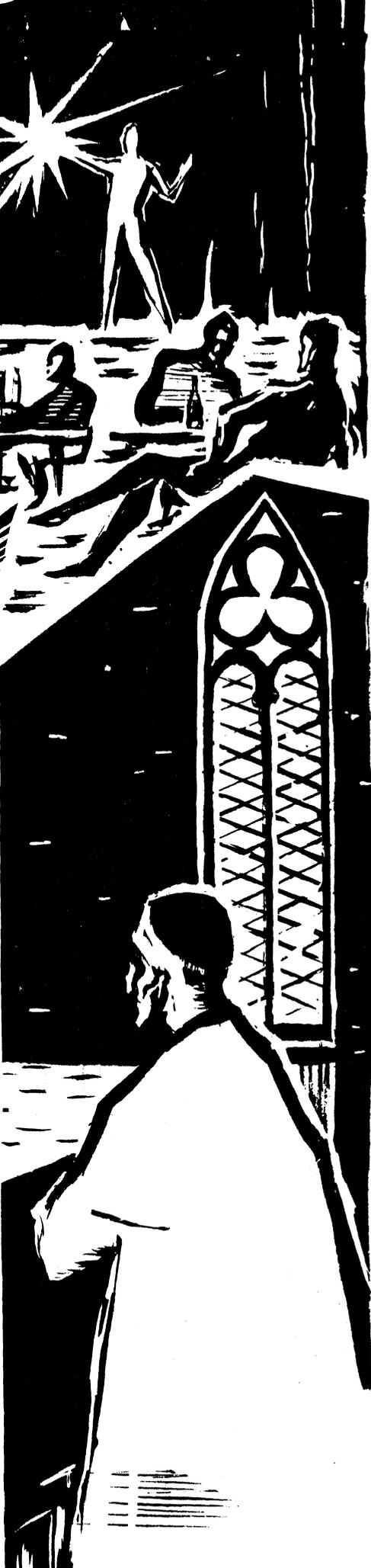
Руки стали липкими, ноги ослабли, и, удерживая на лице улыбку, Александр вспомнил утреннее письмо из «Физикал абстрактс» — «...не может быть напечатано по недостатку места и отсутствию рекомендаций». Он покосился за кулисы: бледная Минна стояла у трансформатора, глаза ее светились в темноте, как у кошки. Надо было решать немедленно. Знаком приказав ей прибавить напряжение, он хрипло спросил зал:

— Может быть, кто-нибудь из гостей пожалует сюда?

Зал молчал. Толстяк со столика во втором ряду, видимо — фермер, желающий за свои деньги испытать все соблазны большого города, оглянулся, поднялся, сделал два неуверенных шага и остановился.

«Сейчас он вернется за столик, а меня погонят с эстрады, — думал

Александр. — Последняя карта будет бита. Неужели это ходячее пузо — моя судьба, моя золотая рыбка?»

Толстяк, поколебавшись, все же полез на помост. Два невидимых высоковольтных провода ждали его. Сопя, он надвинулся на Александра, но вдруг подскочил на месте, ахнул, словно беззвучно пролаял, и свалился на столик первого ряда. Девушки, сидевшие там, завизжали. Узкоплечий юнец из их компании скинул пиджак, полез на эстраду драться и упал на толстяка, задрав ноги в узких брючках.

Жалобно зазвенела посуда, бокалы посыпались со столика. Полицейский, нагнувшись на нос фуражку, расшитую золотом, поспешно удалился: ему давно было известно, что в зале сидит сам Вольф, глава местных уголовников, — возможна стрельба.

Тогда из задних рядов поднялся высокий человек в темных очках и, не меняя равнодушно-брезгливого выражения толстых губ, державших сигару, решительно зашагал к помосту. Те, кто знал его, и прежде всего переодетые сыщики, побледнели: Вольф!

— Эй ты, пареный Иди сюда.

— Сам иди, — плохо соображая, отвечал Александр.

Как метнулся этот страшный человек снизу, почти у пола, как получил свой разряд и вылетел в общую свалку, он не успел разглядеть. Человек уже стоял на ногах, чрезвычайно довольный.

— Сильно загородился, только пулей и возьмешь. Давай иди, не бойся, — негромко повторил Вольф. — Счастье само в руки лезет. Сколько тебе надо за эту штуку?

Князь, которому было уплачено за полгода вперед, сидел у Александра в комнате, превращенной в мастерскую, довольный, вода расширенными зрачками по столбцам газеты.

— Опять пишут о летающих блюдцах. Это, конечно, рука большевиков. Военный самолет погнался за блюдцем и взорвался.

Александр возился над столом, то заглядывая в экран электронно-оптического преобразователя, то снова двигая в пространстве маленьким разрядником. Он монтировал из панцирно-ионизированных цепей воздуха кибернетическую схему, которая должна была сама находить источник питания, заряжать невидимые аккумуляторы и выполнять множество других операций.

Главную часть — аккумулятор — составляли десятки решеток, составленных из тончайших панцирных линий. Изогнутая сетка спереди была зеркалом направленной антенны, а множество полупроводящих пересечений еще одной решетки — логической схемой и памятью. Ионизированный воздух стекал с точек высокого потенциала и мог перемещать всю схему в любую сторону. На экране преобразователя эти подробности вырисовывались очень отчетливо, хотя для невооруженного глаза стол был пуст. Только разметочные рейки окружали пространство под ним, которое теперь было наполнено не беспорядочно мечущимися молекулами газов, как во всей комнате, а сложно организованной, устойчивой системой из

этих молекул, связанных электрическими силами. По ней-то уверенно двигалась рука Александра с разрядником — иглой в эбонитовом чехле, на которой трепетала голубая искра.

— Чертей ловишь? Это хорошо, — лениво сказал князь.

Когда он удалился пошатываясь, Александр подошел к радиопередатчику. Четыре схемы у него уже гуляли где-то в горах, отыскивая грозовые тучи. Любимая из них, Никси, имела довольно приличную память и немножко говорила.

— Никси, Никси! — позвал Волошин в микрофон.

Движения его рта и голосовых связок взбудоражили сумятицу молекулярных скачков в воздухе, волны дошли до микрофона, и электронный поток в кристалле унес их отпечаток через усилительные лампы радиостанции на антенну, а потом в бесконечное пространство над спящим городом, над всем миром. Со скоростью света они разлетелись во все стороны, а ничтожная часть их мощности влилась в невидимую антенну, затерянную среди туч над заснеженными провалами горного хребта. «Ник-си, Ник-си», — повторили элементы анализатора, что-то слегка изменилось в состоянии воздуха под антенной: это сработало реле, позывные были опознаны. Импульсы тока рванулись по решеткам логических схем, выхватили из памяти невидимой машины другие комбинации импульсов и погнали их на антенну.

— Я здесь, хозяин, я здесь, — сквозь треск дальней грозы донесся размеренный голос.

— Иди сюда, Никси, — говорил Александр. — Что с тобой было? Отчет, Никси, отчет.

— Я убила самолет. Высота четыре-пять, координаты...

— Бей их всех, Никси, черт с ними! Говори мне что-нибудь. Мне плохо, Никси! Минна пропала. Полицейский комиссар вызывал меня...

Той же дорогой радиоволны понесли тихую жалобу. Но теперь импульсы не находили в памяти Никси подходящих комбинаций, и схема выдавала стандартную формулу неопознания:

— Я не знаю, хозяин, не знаю...

Александр выключил передатчик, уронил голову на руки.

Он проснулся от громкого треска. Голубые искры усеяли радиатор парового отопления под окном, в котором бледнело рассветное небо. На экране прибора он увидел пустой стол; еле заметная, на глазах тускнеющая схема оказалась под окном.

— Как она ушла со стола? — забеспокоился Александр.

Когда треск прекратился, схема отплыла от радиатора и через всю комнату последовала к выпрямителю, припала к контактам. Начала заряжаться... Теперь она наливалась на экране ярким светом. «При перезарядке она может стать видимой, — размышлял Волошин, — и это погубило беднягу летчика. Он погнался за светящимися призраком, попал между контактами, а двести тысяч вольт не шутка!»

Реле перезарядки сработало, и схема поплыла по комнате. Она явно искала место, куда сбросить ток. Светящийся чертеж рос на экране.

«Она идет сюда», — понял Александр и отскочил от прибора.

Согнувшись, он судорожно копался в хламе, скопившемся в углу комнаты, выхватил длинный медный прут, бросил наугад. Прут разбил люстру. В комнате стало темно — жидкая предрассветная мгла. Ползком подобравшись к пруту, Александр снова бросил его, оглушительно лопнула трубка преобразователя. Тогда он забился в самый угол, снова подобрав прут. Легкий зуд прошел по голове, под волосами.

«Так, что ли, они встают дыбом?»

Искр на радиаторе отопления не было. Смертоносный заряд бродил где-то рядом. Ищет... В мутном свете утра комната казалась чужой, никогда не виданной. Что это? Искры на водопроводном кране... Бросить? Взмах — и вспышка с грохотом озвучила комнату. Почерневший, исковерканный прут валялся возле раковины. В это время внизу раздался длинный звонок. Александр взглянул в окно. У дверей стояла длинная черная машина, и человек в черном, сияя выбритой макушкой, расспрашивал полуодетого князя.

Черный человек ввел Александра Волошина в большой зал, тускло освещенный сквозь цветные стекла высоких стрельчатых окон, и бесшумно удалился. Стены и пол зала были сложены из грубо обтесанных плит в раннеготическом стиле, но пол зеркально блестел, залитый прозрачным пластиком. Черное распятие на стене, черный полированный стол с белым телефоном и два уютных, низких кресла — вот все убранство зала.

Кардинал Спиллейн в белом одеянии выплыл из маленькой боковой двери, тщательно запер ее за собою.

— Я просил позвать вас, сын мой, — вкрадчиво сказал кардинал, опуская подкрашенные веки, — потому что надеялся внести мир в вашу беспокойную душу. Святая церковь в эти трудные дни должна стать прибежищем для каждого.

— Что нужно от меня святой церкви? — дерзко спросил Волошин.

Кардинал разглядывал рукав его костюма, светлый, но в пятнах, мятый.

— Иногда мы можем нашими ничтожными силами способствовать славе творца, — почти пел кардинал. — В своей благодати бог забыл о дерзости и самомнении человеческом. Ни очищающих громов с небес, ни проповеди малым сим мы не слышали от неба с библейских времен.

— Я понял, чего вы хотите, святой отец, — улыбнулся Волошин. — Но на мелочи не размениваюсь. Чудеса пошутно — это не по мне. Поднимать на прозрачном шаре магнитофон с динамиком или учинять дебош с искусственными молниями — мне не к лицу. Я, знаете ли, первый инженер своего века. Вот что... Хотите, я вам сделаю настоящего бога? Так и назовем: «В-1, всевышний, первая модель».

Он почти грубил, надеясь, что его выгонят. Но Спиллейн только наклонил голову и светски улыбнулся:

— А разве это возможно?

— Вы сомневаетесь в возможности существования бога?

— Нет, конечно. Но сделать...

— Почему бы и не сделать то, что принципиально возможно? Современ-

ная техника в силах сделать бога, и ангелов, и самого дьявола, если есть средства, время и инженер с ясной головой.

— Скажем, два миллиона, семьдесят дней и вы, мистер Волошин?

Это было сказано почти без выражения.

— А есть у вас техническое задание на проектирование, мистер заказчик?

— Что мы вкладываем в наше представление о боге? — кардинал раскрыл книжку. — Он должен быть всемогущ, вездесущ и всеведущ...

— Вот что, святой отец, — сказал Волошин, с ненавистью глядя на белые холеные пальцы кардинала, сцепленные на животе. — Мы, инженеры, метафор не любим. Говорите точно. Всемогущ — в смысле побьет любой танк, самолет, корабль, пехоту или толпу — пожалуйста! Он сможет нагонять панику, воздействуя на мозг подходящими частотами — это ли не чудо? Нажмите кнопку — он отнимет волю, память, растопчет личность, ее гордость и независимость. Всеведущ? Скажем, миллиард битов памяти достаточно? Машины, которые сейчас рассчитывают полеты на Луну, не имеют и половины этого. Вездесущий — на что вам такой большой? Сделаю пятьсот на пятьсот и на триста.

— Он должен исцелять болезни.

— Рентген, физиотерапия? Это можно.

— Он должен быть нечувствителен к мирским соблазнам.

— Все мои машины таковы, хотите — верьте, хотите — нет. Они не пьют, не курят, не заводят себе легкомысленных подруг и не нарушают без особой команды ни одну из заповедей Моисея.

— Он должен вещать слова истины. Возможно громче...

— В децибелах это сколько? — свирепо переспросил Волошин.

— Мм... Не знаю.

— Ну так узнайте, посоветуйтесь. Еще что?

— Он должен изгонять бесов.

— Где, откуда? Вы уже имеете этих бесов? Знаете технологию изгнания?

— Нет, — заюлил кардинал. — Но я думал, что бесы комплектуют... вашу установку.

— Только за особую цену. Работа мелкая, нудная, партия большая. За ту же цену не берусь.

— А если он будет как бы изгонять... Понимаете?

— Понимаю. Не выйдет. Фокусами не занимаюсь. Что вас все тянет на фальшивку, когда я предлагаю настоящего бога? Где ваша вера?

— И дорого обойдется партия бесов, скажем, сотня? — поинтересовался кардинал, уклоняясь от диспута о вере.

— Три тысячи с носа или пары рогов, если угодно в рогах...

— Да?.. Ну, я думаю, бесы отпадают. Что ж нам переплачивать? Тем более за такую нечисть, врагов рода человеческого...

К утру семидесятого дня инженер Александр Волошин вымотался до кон-

ца. В наглухо огороженном высоченном эллинге на краю города под наблюдением десятков лаборантов на решетчатых лесах сновали автоматически действующие разрядники. Александр лично проверял через преобразователь квадрат за квадратом, пока не начинало рябить в глазах. В шесть утра все было закончено, проверено, исправлено. Он задремал в машине. Но и во сне перед ним вставали клеточки гигантского радиомозга, однообразные сплетения усилителей, емкостей и сопротивлений, множество датчиков и эффекторов, сложных излучателей, гигантский аккумулятор и всевозможные связи между узлами машины. Все это существует, все это пришлось создать, затратив массу сил и времени, но когда снимут леса, эллинг окажется пустым. Нечто, наполняющее его решетчатый свод, уйдет в атмосферу, для непосвященных исчезнет. И вместе с тем оно будет повиноваться шифрованным радиосигналам. Сможет говорить и выполнять логические действия, сможет обрушить электрическую бурю, лгать, интриговать, а главное — сковывать цепями невежества, лицемерия и животного страха...

И перед засыпающим сознанием неслись смутные видения — грозно светящаяся радиосхема, которую, как дубину, занес над миром обезьяночеловек в белой сутане.

Когда Александр проснулся, солнце было уже высоко. Машина стояла у пансиона, князь сидел на ступеньках с газетой в дрожащей руке и плакал.

— Смотри, Саша, смотри, — лепетал он, мешая русские и испанские слова, — наши, русские, на Луне, еще вчера...

Волошин вырвал газету. С листа на него смотрел ряд портретов, русские имена... Он уронил бумажный лист, откинулся на подушки машины, как от пощечины. Князь проворно подобрал газету, уставился в нее.

— Гляди-ка, Саша, а этот, третий, так похож на тебя. Бортинженер. У тебя, случайно, нет брата?

Нет, не было у Кси Волошина брата, никого в мире, и родители его давно нашли последний приют на уютном эмигрантском кладбище.

Хлопнув дверцей «кадиллака», он бесцельно побрел по улице. Навстречу ему попался спешащий куда-то монах. Через два квартала монах по-прежнему деловито, по-военному размахивая руками, пересек ему дорогу.

«Следят», — догадался Волошин. Оглянувшись, сквозь скупые слезы заметил: сзади медленно едет машина, в ней рыжий, в черной шляпе. «И эти тоже следят».

Он вошел в уважаемую контору Вольфа. Человек в темных очках поднялся ему навстречу.

— Кончили заказ церкви, мистер Кси? Теперь для нас. Невидимые панцири, радиоуправляемые шаровые молнии... Наш бизнес требует техники.

— Хорошо. Только мне нужен новый паспорт.

— Этого добра сколько угодно. — Щелкнул несгораемый шкаф.

— Мне заграничный.

— Пожалуйста, хоть дипломатический. Э! Не хотите ли вы удрать от нас, мистер? Не выйдет. Найдем, — сказал человек, подавая ему паспорт.

Из автомата он позвонил Спиллейну.

— Завтра в десять утра. Пророческа ступайте, — не называя себя, сказал Волошин.

— Деньги перевел, — деловито отвечал Спиллейн, — полтора миллиона. Понимаете, коммиссионные неудобно ставить отдельно. Но я слышал, вы имеете новый, отличный заказ...

Равнодушно услышав, что его обмучали, Волошин повесил трубку. Лицо неизвестного астронавта, похожего на него, стояло перед глазами, и все остальное было так мелко, грязно, не нужно: и Минна, и князь, и кардинал, и сам новенький, как никелевая монета, всевышний, последняя модель. Первый инженер века, он мог бы на стартовой площадке подать шлем...

Когда Волошин вернулся домой, он застал в комнате полицейского комиссара.

— Вашу знакомую нашли позавчера ночью на пляже. Мертвой. Вот.

На глянцево-листом листке удивленное лицо, разбитое, жалкое, чужое.

— Самоубийство, мы так понимаем. Опознаете? Подпишите здесь.

— Да... Рыба ударила хвостом.

Офицер покосился, откланялся и ушел.

Микрофон стоял на столе. Под окном бродили гангстеры и монахи, все на одно лицо.

Волошин сел за передатчик, лицо его окаменело.

— Ка-два, эс-шесть, ка-четыре, — четко диктовал он команды, выводящие бога в небо. Потом передал серию настройки и выглянул на улицу.

Рыжий детина в мятом белом плаще и черной шляпе проигрывал в кости монаху с выправкой армейского сержанта. Монах ржал и хлопал рыжего по плечу. Полицейский комиссар остановился, покровительственно сострил и стал наблюдать игру.

Волошин вернулся к микрофону.

— Люди, — сказал он, — слушайте слова правды, которые вам обещали.

Бога нет. И не было и не будет. Это я говорю, я инженер, построивший всевышнего, первую модель. Он, всевышний, подтвердит это сам. Он — хорошая штука, но это не бог, а машина. Математическая машина из невидимых проводов и усилителей. Законы природы нерушимы, что, впрочем, сегодня меня мало интересует.

Есть нерушимые законы сердца. Нарушающий их умирает, часто незаметно для себя... Жизнь без родины, без дружбы, без любви — незаметная смерть.

Волошин рассказывал о себе, о своем открытии, о его бесславной, преступной судьбе.

— Я, рядовой инженер, был мертвым среди мертвых в этом городе. И сегодня я говорю вам голосом моего электронного всевышнего: живите! Любите, верьте, боритесь за счастье. Разум человеческий не будет скован вечно, он рвет путы, он знает, что будет, и творит будущее.

Кто не борется, тот мертв. Я буду бороться.